

3. Belogric-Kotljarevskij L. *Osobyje vidy vorovstva – krazhi po russkomu zakonodatel'stvu* [Special types of theft – theft of Russian law]. Leningrad – Kiev, Univ. tip. (I.I. Zavadskogo) publ., 1883, 232 p.
4. Borzenkov G. N., Komisarov V. S. *Kurs ugolovnogogo prava: in 5 vol. Osobennaja chast'* [The course of the criminal law: in 5 vol. Special part]. Moscow, Zercalo publ., 1999, no. 3, 592 p.
5. Gorkin V. I. *Recedivnaja prestupnost' i ugolovno-pravovaja bor'ba s nej* [Recurrent crime and criminal-legal struggle with her]. Astrakhan, AGTU publ., 2010, 168 p.
6. Guljaev P. *Rossijskoe ugolovnoe pravo* [Russian criminal law]. Moscow, Tip. V. Kuznecova publ., 1826.
7. Kochoi S. M. *Otvetstvennost' za korystnyje prestuplenija protiv sob-stvennosti po zakonodatel'stvu Rossii* [Responsible for acquisitive crime against property under the laws of Russia]. Moscow, 1999, 33 p.
8. Klepickij A. I. *Imushhestvennyje prestuplenija (sravnitel'no-pravovoj analiz)* [Property crime (comparative legal analysis)]. *Zakonodatel'stvo* [Legislation], 2015, no. 2, p. 33.
9. Lipinskij M. *K istorii russkogo ugolovnogogo prava XVIII v.* [The history of Russian criminal law of the XVIII century]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogogo prava* [Journal of civil and criminal law]. St. Petersburg, Tip. Pravitel'st-vujushhego Senata, 1885, no. 10, pp. 1–54.
10. Man'kov A. G. *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian law X – XX centuries]. *Zakonodatel'stvo perioda stanovlenija absoljutizma* [The legislation of the period of absolutism]. Moscow, Juridicheskaja literatura publ., 1986, vol. 4, 512 p.
11. Ponihidin Ju. M. *Otechestvennaja istorija gosudarstva i prava* [National history of state and law]. Saratov, SGAP publ., 2003, 256 p.
12. Sokol'skij V. *O dogovorah russkih s grekami* [About the Russian treaties with the Greeks]. Kiev, 1870, 29 p.
13. Sobolevskij A. *Dve redakcii Russkoj Pravdy* [Two versions of Russian Truth]. Moscow, 1832, p. 5.
14. Tomsinov V. A. *Razvitie russkoj jurisprudencii v XVII stoletii* [The development of Russian jurisprudence in the XVII century]. *Zakonodatel'stvo* [Legislation], 2005, no. 12, pp. 77–82.
15. *Ugolovnoe ulozhenie: Proekt redakcionnoj komissii i objasnenija k nemu* [Criminal code: the Draft of the drafting Committee and explain to him]. St. Petersburg, 1897, vol. 7. p. 211.
16. Jengel'man I. *Sistematicheskoe izlozhenie grazhdanskikh zakonov, so-derzhashhihsja v Pskovskoj sudnoj gramote* [A systematic exposition of the civil laws contained in the Pskov judicial Charter]. Saint Petersburg, Tip. Je. Vejmara publ., 1855, 199 p.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ИХ РАЗНОВИДНОСТИ В РОССИИ

Дегтерев Андрей Александрович, кандидат юридических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: degtere vand@rambler.ru.

Статья посвящена развитию понятия политического преступления в России. Автором рассмотрены отдельные виды политических преступлений: политический терроризм и политическая коррупция их мотивы, которые направлены на изменение социальной и политической системы, на захват власти, на удержание власти.

Ключевые слова: политическая преступность, политический преступник, организованная преступность, политическая коррупция

POLITICAL CRIMES AND THEIR VARIETIES IN RUSSIA

Degterev Andrey A., Candidate of Law Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: degterevand@rambler.ru.

The article is devoted to the development of the concept of political crime in Russia. The author considers certain types of political offenses: political terrorism and political corruption of their motives, which are aimed at changing the social and political system, to seize power, to hold power.

Keywords: political crime, political criminal, organized crime, political corruption

Традиционно в общественном мнении проблема преступности занимает одно из ведущих мест среди наиболее острых социальных проблем. Этим обстоятельством постоянно пользуются как действующие политики, находящиеся у власти, так и те, кто к ней стремится. Эта проблема становится более привлекательной для исследователей и представителей средств массовой коммуникации, если преступное поведение используется для получения, сохранения, распределения или утраты власти с использованием демократических институтов государства и общества. Однако центральным ядром и центральной составляющей этого интереса является личность, которая совершает преступные деяния в сфере политики, и именуемая в связи с этим «политическим преступником».

Один из классиков философской мысли – древнегреческий философ Аристотель, чьи воззрения на самую сущностную основу политической организации, пройдя сквозь толщу времени, дожили и до наших дней, проводил классификацию политических преступлений на две группы по основанию преследуемых политическими преступниками целей, полярных друг другу и определяемых как усиление или ослабление государства. Он утверждал, что основная цель государственного переворота заключается в усилении или же ослаблении государственного строя. Определялись также и методы осуществления государственных переворотов: насилие и обман. Утверждалось, что применение насилия возможно на разных его стадиях: либо непосредственно с самого начала, либо по истечении определённого временного промежутка. Обман же характеризовался определённой амбивалентностью. Используемый в качестве одного из способов осуществления переворота посредством введения в заблуждение народных масс, он способствует получению согласия населения. Впоследствии же, по истечении определённого количества времени, захват власти производится уже насильственно и против воли того же народа [3]. Идеи Аристотеля дошли и до наших дней.

Тенденциозное проявление политической преступности прослеживается на протяжении довольно долгого периода существования Российского государства и затрагивает сразу несколько исторических периодов, беря своё начало ещё со времён царской России и проявляясь впоследствии уже в СССР. Трансформация политической преступности в определённых формах и видах происходит и сегодня. Несмотря на широкую распространённость, криминологический аспект данного вида преступности действующим уголовным законодательством РФ не рассматривается. Общественная опасность, исходящая от политических преступлений, должной оценке также не подвергается. Вместе с тем, динамика развития политической преступности на протяжении нескольких исторических периодов свидетельствует о многократном превосходстве вреда от неё, по сравнению с общеуголовной и иной преступностью, в большей степени изученных с криминологической точки зрения. Впервые попытки осмыслить особенности и характеристики политической преступности через призму

криминологического видения преступного поведения предприниматься уже после распада Союза, с началом «лихих девяностых» [7, с. 43–53].

Общий анализ политических учений определяет политическую преступность как борьбу за власть или же за неправомерное удержание власти, осуществляемую правящими или находящимися в оппозиции политическими элитами, партиями, группами, а также отдельными лицами, и обличённую в общественно опасные формы [4, с. 107–121]. Кроме того, основные и наиболее насущные особенности политической преступности, такие, например, как терроризм, продажность или измена в сфере политики подвергаются исследованию в зарубежных научных работах криминологической и политологической направленности, а также в отечественной литературе.

Неоднозначность юридической интерпретации политической преступности как в плане научной деятельности, так и непосредственно в правоприменительной практике породила отсутствие единства подходов к подобным исследованиям не только в российской, но и в мировой криминологии. На протяжении 20 лет Российская Федерация находится в состоянии постоянного противодействия как внутренним, так и внешним террористическим угрозам. Несмотря на принимаемые органами исполнительной власти меры и достигнутые при этом позитивные результаты, ситуация в Северо-Кавказском регионе остаётся достаточно сложной. Отсутствие законодательного закрепления понятия политического преступления в уголовном законодательстве РФ способствовало зарождению понятия терроризм в действительности современных реалий. Многочисленные проявления терроризма характеризуют его доминирование в мире в качестве одной из самых опасных форм политической преступности. Однако целостного юридического определения политического терроризма мировым сообществом так и не выработано, несмотря на то, что о национальном, международном и религиозном терроризме в Генеральной Ассамблее ООН принят целый ряд резолюций.

Изошренность и множественность форм проявления политического терроризма обусловлена многообразием этого понятия. Проявление данного явления, например, в тоталитарном режиме имеет двойственную направленность: с одной стороны, возможно его применение в целях подавления волевых качеств политических групп и их лидеров, а также целых народов. С другой стороны, вероятно его использование этими же подавляемыми субъектами в борьбе за выживание и независимость, а также за соблюдение своих прав и свобод в условиях отсутствия иных средств противостояния. Кроме того, он может применяться и экстремистскими формированиями. Политический терроризм, как один из видов преступного насилия, не разбирает статуса и классовой принадлежности своих жертв, будь то последний нищий или же самый зажиточный король. Пострадать от него может даже несколько и не имеющий отношения к породившему террористический акт конфликту [6, с. 52]. И объединение подобных полярно направленных совершаемых по политическим мотивам общественно опасных действий в единое понятие в реалиях сегодняшней действительности довольно затруднительно. Ещё большей неопределённостью характеризуются другие формы политической преступности. Однако рассматриваемая ситуация не должна являться ни основанием, ни поводом к сокрытию всё более актуализирующейся проблемы как в криминологическом, так и в политологическом плане, чему подтверждением служит политическая борьба с ней во многих государствах, не является исключением и Россия.

В действующем УК РФ, как и в законодательстве большинства стран не существует понятия политической преступности. Вероятно, в этом прослеживается взаимосвязь с противоречием любого закрепления нормами права со Всеобщей декларацией прав человека от 1948 г., а также с Международным пактом о гражданских и политических правах от 1966 г., которые провозглашают права и свободы на, в том числе, и политические убеждения для любо-

го человека. Конкретизация данного положения прослеживается и в других международных актах. Примером может служить Типовой договор о выдаче (экстрадиции), принятый в 1990 г. Генеральной Ассамблеей ООН, в котором закрепляется запрет на выдачу при условии рассмотрения запрашиваемым государством правонарушения с поступившей просьбой о выдаче в качестве правонарушения политического характера. Однако подобное обстоятельство отнюдь не означает отсутствия в современной действительности ряда стран уголовного преследования, совершаемого по политическим мотивам, и, как правило, замаскированного под различные уголовные деяния. Так ещё в 1996–1998 гг. между ваххабитами и традиционалистами в Дагестане и Чечне периодически возникали конфликты, сопровождающиеся кровопролитием верующих. Не встречая серьезного сопротивления в лице федеральных властей, ваххабиты, активизировавшие свою религиозно-политическую деятельность на Северном Кавказе, выступали не только за решительное преобразование традиционного ислама, но и за внедрение «новых» социальных порядков, базирующихся на принципах шариата». В целях претворения в жизнь данной стратегии в Чечне и Дагестане происходило навязывание верующим «жизни по шариату».

Использование этого термина в отношении приверженцев ваххабизма вызывает у них определённый протест, в обоснование которого они утверждают, что их религиозные взгляды и практика некорректно отражается при его применении. Называя себя последователями «чистого ислама», ваххабиты используют такие номинации, как муваххидуны, салафы, джамаатовцы, единобожцы или же просто мусульмане, что, конечно, наводит на мысль о различиях внутри «ваххабитских» групп, их идейной и политической ориентации. По этой причине обозначается вопрос об углубленном изучении разнообразия всего спектра исламского радикализма, исламских течений в России как разновидности политических преступлений [2, с. 26–30]. В Дагестане, а затем в Чечне ваххабитами стали называть мусульман, которые подвергли критике традиционный для этих регионов суфийский ислам, считая его заблуждением, отходом от настоящего божественного пути. Критика ваххабитов всецело была направлена призывами к джихаду против сторонников суфизма. Понятие «джихад» означает «священная война». Дело в том, что ислам оправдывает войну во имя религии: «Сражайтесь с врагами вашими на войне за веру, но не нападайте первыми. Бог ненавидит нападающих. Убивайте ваших врагов везде, где найдете их; изгоняйте их оттуда, откуда они вас изгоняли. Отступничество хуже убийства. Не сражайтесь с ними у святого храма, разве только они вызовут вас. Если нападут на вас – купайтесь в крови их. Такова награда неверных. Если покинут заблуждение свое – Господь снисходителен. Сражайтесь с врагами, доколе не утвердится ислам». Использование такого постулата политическими преступниками становится страшным орудием воплощения вопиющих преступных замыслов [5, с. 139].

В современной России существует ещё одна разновидность политической преступности, так называемая политическая коррупция. Она обладает не меньшей общественной опасностью, нежели тот же самый политический терроризм. Во времена СССР любые формы политической коррупции, тем более в структурах власти, тотально отрицались коммунистической партией. Тем не менее, период застоя в советское время ознаменован усугублением проблемы коррумпированности. Политическая коррупция была признана публично лишь в период 80-х гг. Вместе с тем, политическая коррупция советских времён характеризуется достаточно ограниченными возможностями, ей свойственными: возможным было лишь получение власти или же её удержание. По крайней мере, других её проявлений не замечалось. Распад СССР предопределил смену политического режима на всём постсоветском пространстве. Однако невозможно было даже и предугадать возможности распростра-

нения в политической сфере современной России подобной коррупции параллельно с терроризмом, также политическим. Политическая коррупция, эволюционировав, к сегодняшнему дню делает возможной конвертацию как власти в капитал, так и такого капитала обратно во власть. Отождествление подобных форм из всего объема коррупционных преступлений весьма и весьма осложнено, даже практически невозможно.

Подобное обстоятельство обусловлено рядом причин, первой из которых выступает высокая латентность подобных преступлений – выявляются они всего в 1–2 % случаев. Во-вторых, политическая подоплека коррупционных преступлений в ходе их расследования в досудебном порядке и рассмотрения в рамках судебного разбирательства выявляется отнюдь не в каждом случае. Следственные и судебные органы руководствуются только действующим законодательством, где ни слова не сказано о политической коррупции. Последняя зачастую сопряжена с осуществлением финансовых взносов для достижения политических целей, для выбора «нужного» вектора организации выборной кампании. Кроме того, финансовые отчисления могут иметь извращенное целевое назначение, только способствующее криминализации политической деятельности. Следует акцентировать внимание, что субъекты подобных преступлений, наделенные властными полномочиями, способны нанести большой ущерб государству, используя своё должностное положение вопреки его целевому назначению. «Шальные деньги», источник происхождения которых также достаточно сомнителен (а это развитие теневой экономики, уход от налогообложения, усиление криминализации целых отраслей и т.п.), зачастую расходуются на покупку должностей государственной службы, на приобретение информации конфиденциального характера и государственного значения на финансирование лоббирования политических интересов, к слову, довольно узконаправленных и с заостренным, отрицательным полюсом влияния на внутривнутриполитическую ситуацию.

Как было обозначено ранее, в российском уголовном законодательстве никак не закреплено понятия политической коррупции. Обличение хода выборов различных масштабов, будь то местный, региональный или же федеральный уровень, в кампании криминального характера, базирующиеся на битве денежных амбиций, в большей степени обусловлено отсутствием должного уровня правовой превенции коррупции данной категории. Отсутствует и криминализация как подобных коррупционных действий, так и многих других видов политической коррупции, таких, например, как протекционизм, фаворитизм и лоббизм, совершаемые вопреки закону [1, с. 159]. Последствия, наступающие в результате совершения деяний, определяемых как отдельные эпизоды политической коррупции, проявляются далеко не сразу, а ущерб вред от их наступления просто колоссален.

Политическая коррупция пагубно воздействует и на сами сущностные основы политического целеполагания, провоцируя его переориентировку в сторону от народа и на встречу к олигархии. Кроме того, немаловажными аспектами являются тенденциозное снижение уровня доверия к действующей власти, разворовывание средств государственного бюджета, начиная от федерального уровня власти и заканчивая поселковыми объединениями. Вместе с тем, на мировой арене снижается престиж государства, что, в свою очередь, влечет дестабилизацию внешне- и внутривнутриполитической ситуации в стране. На внутривнутригосударственном уровне конкуренция политических партий также претерпевает негативную трансформацию – извращаются непосредственно основополагающие принципы их организации.

Всё перечисленное неизбежно приведет к крушению демократии. Как известно, коррупция способна вымостить путь диктатуре. Эти явления наблюдались и в царской России и были характерны для Европы в период правления Гитлера и Муссолини. Ещё в Веймарской республике, когда к власти

пришёл Адольф Гитлер, то основным его лозунгом была борьба с коррупцией, которая распространилась по всей территории Германии. Но за всё время своего правления, избранный лозунг им был не только не реализован, но даже стал и вовсе опровергаться, если не на словах, так на деле: не только не удалось справиться с коррумпированностью в рейхе, но даже были получены результаты, противоположные заявленным приоритетам. Рейх был превращен в один из самых коррумпированных режимов в мире.

О коррупционных проявлениях, в том числе и политической направленности, но не только, сегодня говорится многократно и красноречиво; на различных властных уровнях. О сенсационных разоблачениях в высших эшелонах власти: Улюкаев, Захарченко, Тимченко и о других коррупционерах мы можем услышать и прочесть чуть ли не ежедневно, однако корректного и адаптированного к современной действительности правового регулирования в целях сдерживания подобных деструктивных процессов и непосредственной борьбы посредством выработки новых и модернизации уже существующих норм права с реальностью существующей политической коррупцией, к сожалению, в России ещё нет. Теневые финансы, нажитые преступным путем, исколесили Россию.

Последние действия Президента страны, Правительства РФ, объявившего борьбу с экономическими преступлениями и различными формами коррупции, возможно, помогут сдвинуть эту проблему с мертвой точки. На современном этапе борьбы с коррупцией следовало бы учитывать, чтобы эта борьба не стала политизироваться в целях перегруппировки политических элит. Всё чаще встречаются в регионах нашей страны перераспределения такого феномена. Последние задержания губернаторов областей, мэров городов тому яркое подтверждение. В одной Астраханской области осуждены десятки лиц за преступления связанные с коррупцией во власти, среди них: мэр г. Астрахани Столяров, министр социального развития Лукьяненко, глава администрации района Якушева и другие. Ущерб от их противоправной деятельности государству ни кто не считал. Их судили за само преступное деяние, что не в полной мере отражает сущность их криминологического поведения. А самое главное, что народ перестаёт верить во власть на фоне таких преступников. Политическая преступность в обществе порождает сращивание государственного аппарата с организованной преступностью, что приводит к заказным убийствам, насильственным посягательствам и другим проявлениям преступности в целом.

Подводя итог можно сказать, что политическая преступность – это злоупотребления властью или политических соперников влияющих на расстановку политических сил в стране или политические настроения в обществе. Развитие подобного явления в Российской Федерации недопустимо на современном этапе развития общества, соответственно, необходимой и неизбежной становится мобилизация правовых усилий для минимизации негативных последствий и усиления степени превенции подобных преступлений в целях прогрессивного решения сложившейся ситуации.

Список литературы

1. Дегтерев А. А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений / А. А. Дегтерев // Политические исследования. – 2003. – № 1. – С. 159–170.
2. Дегтерев А. А. Уголовное право и религия (шариат) на современном этапе развития российского общества / А. А. Дегтерев // Гуманитарные исследования. – 2006. – № 1 (17). – С. 26-30.
3. Иншаков С. М. Криминология : учебник / С. М. Иншаков. – М. : Юриспруденция, 2000. – 432 с.
4. Лунеев В. В. Политическая преступность / В. В. Лунев // Государство и право. – 1994. – № 7. – С. 107–121.

5. Плешов О. Сколько стоит джихад? / О. Плешов // Россия и мусульманский мир. – 2001. – № 6. – С. 139.

6. Тыссовский Ю. Терроризм – глобальная опасность / Ю. Тыссовский // Российская Федерация. – 1996. – № 8. – С. 52.

7. Шабалин В. А. Политика и преступность / В. А. Шабалин // Государство и право. – 1994. № 4. – С. 43–53.

References

1. Degterev A. A. *Metodologicheskie podhody i konceptual'nye modeli v interpretacii politicheskikh reshenij* [Methodological approaches and conceptual models in the interpretation of political decisions]. *Politicheskie issledovanija* [Political research], 2003, no. 1, pp. 159–170.

2. Degterev A. A. *Ugolovnoe pravo i religija (shariat) na sovremennom jetape razvitija rossijskogo obshhestva* [Criminal law and religion (Sharia) at the present stage of Russian society development]. *Gumanitarnye issledovanija* [Humanities research], 2006, no. 1 (17), pp. 26–30.

3. Inshakov S. M. *Kriminologija: uchebnik* [Criminology]. Moscow, Jurisprudencija publ., 2000, 432 p.

4. Luneev V. V. *Politicheskaja prestupnost'* [Political crime]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 1994, no. 7, pp. 107–121.

5. Pleshov O. *Skol'ko stoit dzhihad?* [How much is a Jihad?]. *Rossija i musul'manskij mir* [Russia and the Muslim world], 2001, no. 6, pp. 139.

6. Tyssovskij Ju. *Terrorizm – global'naja opasnost'* [Terrorism is a global danger]. *Rossijskaja Federacija* [Russian Federation], 1996, no. 8, p. 52.

7. Shabalin V. A. *Politika i prestupnost'* [Politics and crime]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 1994, no. 4, pp. 43–53.

ВОЛГО-АХТУБИНСКАЯ ПОЙМА – ЗОЛОТО РОССИИ

Дегтерев Андрей Александрович, кандидат юридических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: degterevand@rambler.ru.

Вольченко Мария Петровна, студентка, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: marvolchenko@yandex.ru.

Предметом данной статьи являются некоторые аспекты обращения и рационального использования природных ресурсов, вопросы уголовно-правовой оценки общественно-опасных деяний в различных сферах экономической деятельности, связанных с использованием природных ресурсов. Это обусловлено такими факторами, как несовершенство законодательства и правоприменения, появление новых форм хищения имущества. На природные ресурсы Российской Федерации распространяются гражданско-правовые положения о праве собственности, согласно которым они являются носителями экономических свойств. Уголовное право трактует природные ресурсы как объекты уголовно-правовой охраны окружающей среды, игнорируя их экономическую сущность, что обуславливает необходимость преодоления противоречия между экономической и уголовно-правовой сущностью природных ресурсов.

Ключевые слова: природные ресурсы, экологические преступления, Нижне-Волжский бассейн, Волго-Ахтубинская пойма, осетровые, хищение, объекты собственности, браконьерство, незаконное предпринимательство, незаконная добыча природных ресурсов, незаконная добыча осетровых рыб